



# Георгій Валентинович Плехановъ

Пріѣхавъ въ Женеву осенью 1905 года, я засталъ въ Георгію Валентиновичу Плеханову. Я засталъ его въ сборкахъ: Георгій Валентиновичъ собирался въ Россію.

Я только пріѣхавъ изъ Россіи, я зналъ, что заѣзженность русскаго быта мало напоминаетъ октябрьскій манифестъ. Революція изъ ума не уходитъ, революція готовилась нанести ей послѣдній ударъ. Для меня было ясно, что Г. В. будетъ арестованъ, если не на границѣ, то немедленно по своемъ прибытіи въ Петроградъ. Я мало вѣрилъ задержанію департамента полиціи объ амнистірованіи Георгія Валентиновича. И для меня также было ясно, что двадцатипятилѣтній туберкулезъ, сдерживаемый теплыми климатами Рима и маленькими, но сильными, потому что любимыми, руками жены Г. В., шире используетъ режимъ петроградскаго тюрьма. Я сталъ поэтому, уговаривая Г. В. отказаться отъ своей побѣды.

«Назадъ, назадъ, они (онъ говорилъ о русскихъ революціонерахъ, руководившихъ движеніемъ 1905 года) и такъ уже натворили много глупостей. Надо ѣхать, пока еще не поздно»...

И когда я замѣтилъ Г. В., что онъ ставитъ на карту свою жизнь, онъ отвѣтилъ:

«Вѣдь это дѣло революціонера; вотъ вы же, товарищи, рискуете своей?»

Этотъ послѣдній аргументъ, понятно, не обескуражилъ меня. Но мои возраженія онъ отбрасывалъ короткими и ясными:

«Среди англійскихъ моряковъ существуетъ прекрасная традиція: командиръ судна долженъ всегда быть готовымъ пойти на дно вмѣстѣ со своимъ кораблемъ»...

Георгій Валентиновичъ выѣхалъ. Но въ Берлинѣ его застала вѣсть объ арестѣ петроградскаго совета р. д. Все было кончено... Фальшивая побѣда лишилась смысла.

Русская революція не погибла; и для слѣдующаго девятаго часа ее Г. В. сберегъ

своею готовностью умереть за нее.

«Они ѣхали черезъ Германію, мы ѣхали черезъ смерть»...

Но граница смерти не таилась для Г. В., какъ для другихъ русскихъ эмигрантовъ, въ одной лишь тайнѣ Сѣвернаго моря. На твердой родной землѣ она начертала вокругъ него свой роковой кругъ.

Безсмысленно тупые удары, боль за революцію, тревога за судьбу международной демократіи, тяжелая работа, тискомъ сжимавшая Петрограда дѣлали свое дѣло. Злая чашотка радостно стала рвать свои оковы.

Въ сентябрѣ послѣ возвращенія съ московскаго совѣщанія онъ началъ хворать. Его друзья встревожились; его просили, убѣждали поберечь себя, уѣхать въ Крымъ. На югъ.

«Я нуженъ здѣсь»...

Привышій бороться съ болѣзью, его организмъ, быть можетъ, и на этотъ разъ вышелъ бы побѣдителемъ. Но грубый солдатъ, историческій легионеръ, убилъ его. По одиночному отъѣзду всѣхъ пользовавшихся его врачей, Г. В. погубили красноварейцы. Возбужденный и глубоко оскорбленный грубостью вооруженныхъ рабочихъ, которымъ онъ посвящалъ свою жизнь, Г. В. горячо протестовалъ. А уже въ первыхъ числахъ октября при посѣщеніи Плеханова его жена-врачъ просила посѣтителей не давать ему говорить. Произойшло изліяніе крови; застывшій въ легкихъ комокъ вызвалъ воспаленіе въ легкомъ...

Мучительно идти за его гробомъ. Онъ такъ еще нуженъ, въ немъ столько было еще силъ, онъ могъ бы еще жить...

\*\*\*

Умеръ большой человѣкъ. И воспоминанія о немъ переживаются всеми переливами драгоценныхъ камней, властно заполняютъ душу, нарушаютъ привычную

для ума работу систематизаціи. Тутъ такое море сокровищъ, удивительное Эльдорадо; тутъ каждая песчинка притягиваетъ, и къ ней тянутся жадно руки, а плазъ уже заняты чарующимъ блескомъ другихъ сочетаній, и чувствуешь себя безымяннымъ справиться съ этимъ волшебнымъ хаосомъ.

\*\*\*

Въ своей общественной и частной жизни, въ статьяхъ и рѣчахъ, въ разговорахъ на серьезные и обыденныя темы, на партійныхъ собраніяхъ и въ интимной бесѣдѣ, онъ никогда не спускался до уровня средняго человѣка. Никогда, ни на одну минуту... Какъ собесѣдникъ, онъ не зналъ себя равнаго; онъ увлекъ, удивлялъ, очаровывалъ. Минутное общеніе съ нимъ оставляло неизгладимый слѣдъ. Его рѣчь всегда была озарена бликами гениа; и не потому, что онъ такъ хотѣлъ, а потому, что иначе не могъ. Онъ, какъ дѣти чудесной вольтеровской страны, могъ играть только золотомъ, но той простой причинѣ, что вокругъ него изъ земли валялись одни лишь золотые камни. Вокругъ его остроумія слетались легенды; оно ослѣпляло слушателей Г. В., убивало его враговъ. Раны, нанесенныя имъ, никогда не заживались; въ бѣствъ Г. В. были жестокъ и не стѣснялся наносить удары.

Прочтя принесенную во время приведенной выше нашей встрѣчи изъ Женевы телеграмму, въ которой приводилась знаменитая буффонада Троцкого: «пусть только правительство попробуетъ арестовать насъ и оно узнаетъ силу ударовъ революціоннаго пролетариата», Плехановъ потчасъ же даетъ рѣшанію:

«Ну, помните, зачѣмъ же писать, что се левъ, а не собака».

На второмъ съѣздѣ совѣтовъ Плеханова обступили нѣсколько совѣтскихъ дѣятелей; одинъ изъ нихъ, тотъ самый, который голосовалъ противъ донужденія Плеханова въ исполнительный комитетъ, разсыпался въ комплименты по адресу Г. В., называя его своимъ учителемъ.

«Это мнѣ напоминаетъ мое дѣтство,—замѣтилъ ему Г. В.,—когда ребенкомъ я плохо приготовлялъ заданный мнѣ учитель урокъ, а всегда старательно закрывалъ предъ нимъ двери»...

Во время демонстраціи 18 іюня Плехановъ стоялъ на Марсовомъ полѣ. Онъ отвѣтилъ импозантностью собранныхъ большевистскими знаменами силъ. Кто-то изъ толпы очевидно желая сдѣлать ему пріятное, замѣтилъ, что все это пустяки и ничего не доказываетъ. Не успѣлъ Г. В. отвѣтить, какъ стоявшій возлѣ большевикъ, повернувшись къ Г. В., ядовито заговорилъ:

— Нѣтъ, это не пустяки, Георгій Валентиновичъ, это жизнь, съ нею надо считаться!..

— Совершенно вѣрно, это—жизнь и съ нею надо считаться,—отвѣтилъ Г. В.,—но вѣдь и это—жизнь, а съ ней вы считаетесь?—и онъ указалъ на проносимое въ это время мимо насъ черное знамя анархіи.

Однако, въ полемикѣ онъ всегда оставался утонченнымъ аристократомъ, изысканнымъ аристократомъ духа.

«Рѣзкость сужденій не есть грубость выраженій»,—замѣтилъ онъ какъ-то Ленину по поводу полемической выходки послѣдняго.

Рѣчь Г. В. была замѣчательна не однимъ только блескомъ остроумія; вокругъ себя онъ пригоршнями рассыпалъ десятки мыслей, каждая изъ которыхъ могла бы послужить основаніемъ интересной работы въ любой отрасли науки или искусства. Всего не рассказавъ даже и вѣдь предѣловъ газетной статьи: при своей всеобъемлющей, чисто энциклопедической, образованности, Г. В. касался вѣдь всегда всѣхъ областей человѣческаго знанія...

Помню, у насъ шелъ какъ-то разговоръ о модномъ вопросѣ самоопредѣленія національностей, въ связи съ тягой—иногда курьезной,—русскихъ народностей (читай губерній...) къ самоопредѣленію.

«Национальное самоопредѣленіе, конечно, прогрессивная сила въ исторіи,—за-

мѣтилъ Г. В.,—когда она дѣйствительно отвѣчаетъ политическимъ, экономическимъ и отчасти потребностямъ широкихъ національных круговъ. Но злоупотребленія этимъ принципомъ, перегибъ палочки можетъ сыграть реакціонную роль. Я, напримеръ, полагаю, что злоупотребленіе принципомъ національнаго самоопредѣленія является одной изъ причинъ застои Индіи. Знаменитыя индусскія касты мнѣ кажутся ничѣмъ инымъ, какъ самоопредѣлившимися многочисленными племенами Индіи. Именно въ этомъ нужно искать происхожденія ея кастоваго устройства. Я убѣдился въ этомъ, наблюдая во Франціи жизнь одного изъ индусскихъ полковъ, прибывшихъ на войну. Представьте, въ этомъ полку безконечное количество мелкихъ національных взводовъ и каждый изъ нихъ имѣетъ свою кухню, одинъ взводъ не ѣстъ бобовъ, другой не ѣстъ риса и т. д. Въ этой національной кухнѣ безусловныя пережитки принада національнаго самоопредѣленія».

Политическія предсказанія Плеханова оправдывались съ какой-то жуткой точностью. Съ тѣхъ поръ, какъ началась война, Плехановъ не переставалъ твердить во всѣхъ своихъ статьяхъ, что это война будетъ для насъ и освободительной войной отъ самодержавія. Когда послѣ событий 3—5 іюня Керенскій образовалъ свое первое министерство, Плехановъ сказалъ:

«Я даю этому министерству двѣ недѣли жизни».

И черезъ двѣ недѣли Керенскій формировалъ уже новое министерство.

Когда былъ созданъ предпарламентъ, Г. В. въ статьѣ, напечатанной въ «Единствѣ», напомнилъ ему про франкфуртскій предпарламентъ и предвѣстилъ ему такую же судьбу. Въ первыхъ числахъ октября Г. В. убѣждалъ меня не ѣхать на избирательную кампанію въ Учредительное Собраніе: «такъ какъ большевики безъ условно возьмутъ верхъ, то и Учредительнаго Собранія не будетъ».

А когда большевики захватили власть, и Керенскій отправился въ армію, и всѣ

думали, что предъ нами—правительство двухъ недѣль, Плехановъ сказалъ:

«Большевики продержатся не меньше шести мѣсяцевъ; но врядъ ли имъ удастся долго пережить этотъ срокъ».

Memento mori!.. господа, срокъ, данный замъ Плехановымъ, истекаетъ...

\*\*\*

Большевики смущены смертью Плеханова. Въ своихъ некрологахъ и рѣчахъ, посвященныхъ его памяти, они стараются подчеркнуть, что чувствуютъ старика Плеханова, какимъ онъ былъ до 1914 года. Они забыли, какъ недавно еще честили его социаль-предателями; они забыли, что предатели не чувствуютъ, какъ имъ бы ли велики ихъ старыя заслуги. Быть можетъ, въ нихъ говорить позднее и пока еще смутное признаніе его правоты. Но намъ, ученикамъ его, нетрудно показать, что Плехановъ никогда не измѣнялъ себѣ, то онъ до конца оставался послѣдовательнымъ революціоннымъ марксистомъ. Его диалектическій методъ мышленія и умѣніе чутко прислушиваться къ жизни дѣлали его самымъ замѣчательнымъ политическимъ стратегомъ.

«Увлеченіе поэзіей борьбы часто дѣлаетъ недостижимымъ счастье побѣды».

«Какъ Антей пріобрѣталъ новыя силы, прикасаясь къ землѣ, такъ и наша социаль-демократія будетъ пріобрѣтать новыя силы, опираясь на vlastныя требованія жизни».

«Мы не должны уподобляться тѣмъ австрійскимъ генераламъ, которые въ борьбѣ съ Наполеономъ заранее писали свою диспозицію: Die erste Kolonne marschirt туда-то и д. т. Довѣсть днесь злоба его»...

Она всегда предостерегала отъ переоцѣнки событий и силъ революціи.

По поводу утвержденія Троцкого о неминовости революціи въ Германію Плехановъ передавалъ мнѣ недавно одинъ свой разговоръ съ Вобелемъ на международномъ конгрессѣ:

«Странное дѣло, говорилъ ему Вобель,

после каждой встречи с каким-нибудь русским революционером я встаю утром и бросаюсь к газетам в ожидании найти в ней телеграммы о революции в России, между тем проходят месяцы и годы, а революции все нет. И только вспоминавая речи и заявления на международных конгрессах, я понимаю, что нам еще долго придется ее ждать»...

Это умеве строить тактику рабочего движения не на почве фантастических «обстракций», а на фактах жизни, заставило Плеханова резко выступить против тактики русской социаль-демократии в 1905 году. Зоркий провидец, он прекрасно учитывал, что переоценка сил революции приведет к полному торжеству реакции и к потерям всех завоеваний октябрьской забастовки.

Он был убежденным противником второй и третьей забастовки, несмотря на провокационные вызовы русской реакции.

«Отвечать на реакционные вызовы надо только такими действиями, писал он товарищам, которые могут изменить соотношение общественных сил»...

Он умолял товарищей не переоценивать сил революции и не умалить сил реакции. Он ставил на вид, что далеко не весь пролетариат идет за революцией, и указывал, что значительные слои русского рабочего класса идут еще за черной сотней.

Но лучше всего презвост и ясность политического разума Плеханова сказались в его борьбе против отношения русских социалистов к либеральным партиям и группам в России.

«Очень можно, наконец, понять, писал он в 1905 году, и то, что нам надо дорожить поддержкой непролетарских оппозиционных партий, а не отталкивать их от себя безтактными выколами».

Он горячо возмущался товарищами, которые «не нашли ничего лучшего для борьбы с политической неразвитостью русского пролетариата, как предпринять жесокый поход против либералов».

«Маркс исток, клеймил «истинных социалистов», писал Плеханов, говоривших накануне буржуазной революции в Германии таким языком, который был бы уместен лишь после нее»...

«Я не хочу походить на того Иванушку дурачка, который говорит на панихиде то, что нужно было говорить на свадьбе»...

«Реакция стремится изолировать нас; нам нужно употребить все усилия для того, чтобы изолировать реакцию»...

«Вы упрекаете меня в том, отвечает он одному товарищу, что меня «хвалят» теперь «либеральная буржуазия». Но меня несколько не смущает этот упрек. Напротив, если я, несколько не изменив себя в своем мировоззрении, получаю одобрение со стороны «либеральной» буржуазии, то это очень хорошо в тот исторический момент, когда нам надо изолировать реакцию. А вот вашу тактику хвалят анархисты и такого рода похвала никогда не может быть лестной для социаль-демократа».

Это Плеханов писал еще в 1905 году.

Право же, господа большевики, вам придется отодвинуть «старого Плеханова» и за грань 1905 года...

А может быть и дальше...

Ибо Плеханов был лучшей пинагой не только русского, но и международного социализма. Вместе с В. Либнехтом, Каутским и Бебелем, он был душой международных социалистических конгрессов. Своим острым философским умом он осызавл многие ошибки международного пролетариата и предостерегал от них своих иностранных друзей. На международном конгрессе шел спор об участии социалистов в буржуазных министерствах, поднят вступлением Мильтера в кабинет Вальдека-Руссо. На съезде выявилось два течения: ортодоксы во главе с французом Годом настаивали на абсолютной невозможности для социалиста вступать когда бы то ни было в бур-

жуазный кабинет; реформисты во главе с Жоресом и Берштейном отстаивали противоположную позицию. Плеханов не применил ни к одной из этих групп. Относясь отрицательно к сотрудничеству в буржуазном министерстве, он указывал, что бывают исторические моменты, когда общность задач с буржуазными группами требует и общей работы в министерстве. Резолюция Плеханова была принята конгрессом. Это было в разгаре борьбы Плеханова, Года и др. с ревизионистами, и Год упрекал Плеханова в эпоспособствовании провалу резолюции ортодоксов.

«Теперь, когда Год вошел во французское министерство, во время войны, — рассказывал мне Плеханов, — я напомнил ему наш разговор в Штутгарте и Год сознался, что я был тогда прав».

Плеханов был докладчиком и автором резолюции об отношении социалистов к войне, принятой в 1893 году базельским международным конгрессом, который представлял собой, по выражению буржуазной прессы, «весь социалистический собор: там были все кардиналы и (сам папа \*) социализма». Плеханов выступил тогда против циммервальдской платформы, формулированной голландским анархистом (Домеллой Нью-вайнгоусом).

«В области международной политики, говорил Плеханов, пролетарии всех стран должны, согласно коммунистическому манифесту, руководствоваться простыми принципами права и справедливости: они должны помогать обороняющемуся и бороться против нападающего».

\*\*\*

Проникновение этим высшим империализмом Канта (составляет основу нравственной личности Р. В. Плеханова.

Когда думаешь о нем, не знаешь, кому больше удивляться: мощи его тогда или

\*) Фридрих Энгельс

красоте его духовной личности.

Плеханов всегда был одиноком. Не успевал он создавать себе друзей и сторонников, как вступал с ними же в войну. Безстрашие его характера спало одну только грань: грань чести. Он сам любил повторять знаменитый отзыв В. Либнехта Бисмарку:

«Мы, социалисты, не боимся даже Бога». Отсюда легенда о Плеханове-фанатике. В свою долгую жизнь революционера и вождя он никогда не переставал биться. В нем было заложено неистовство Виссаріона, недаром же он пожелал быть погребенным рядом с Влдинским. Но его неистовство, приведшее его к Голгофе, диктовалось не фанатизмом, а горячей любовью к светлому будущему человечества.

Нужно было, однако, обладать могучим мужеством Г. В., чтобы выдержать все вызванные бури.

Когда на заре своей жизни Плеханов начал свою кампанию против народо-вольцев, вся русская интеллигенция набросилась на него. Наиболее горячие голы не стеснялись называть его провокатором и приспешником царизма; близкие друзья приходили корить его.

«Ну, право же, бросьте, Георгий Важенникович, это вы от дурного характера. Ну все аналог, что вы любите подражать, ну подрались немного, и basta». Такия речи и обвинения Плеханову приходилось выслушивать при каждой из своих кампаний и от самых близких людей, от вчерашних соратников. Но раз утврившись в полезность данной истины для дела освобождения рабочего класса, Плеханов не останавливался перед временным непониманием. Он видел далеко. «Истина всегда восторжествует, — говорил он, — а если бы не восторжествовала, а всетаки продолжал бы бороться за нее».

Он был еще в 1905 году говорил, что различие между ним и меньшевиками то, что меньшевики всегда опасаются, как бы большевики не объявили их

оппортунистами». Это оглядывание на других, эту духовную трусость и моральное крохоборство Плеханов ненавидел, как порок, недостойный революционера. Непримириный враг оппортунизма он считал это приспособленчество к психологии других партий и даже народных масс, самым худшим видом оппортунизма. Отсюда его ненависть к демагогии, отсюда его конфликт с «революционной демократией», скорее нравственного, чем политического свойства. Плеханов никогда не был фанатиком раскола; напротив, он много агитировал за восстановление единства партии. Приехав в Россию, он первый заговорил об объединении всех оборонческих социалистических групп. Но он был и против такого единства, ради которого пришлось бы отказаться от себя и своей чести.

Между ними и «революционной демократией», и в частности меньшевистским крылом ее не мог быть перекинут мост не только из-за разногласий тактического свойства, но также из-за соображений морального порядка.

Он находил отвратительным это пресмыкательство перед демогией большевиков, это конкурирование перед массами в «красоте» своих лозунгов. Он никогда не соглашался принести интерес рабочего и освободительного движения в жертву своему политическому влиянию на массы. Он отвергал сделку с минутными настроениями массы, признавая один лишь компромисс с линией исторического развития. Его никогда не смущали насмешки над малочисленностью организации «Единства» (хотя он всегда и стремился к расширению ее), потому что «малочисленность никогда не была доказательством неправоты». От вождя он требовал высшего сознания взятой на себя ответственности; он требовал от них большого дела и твердого сознания дела.

«А если этого нет, преступно быть вождем».

Он объявлял непримиримую войну полужившим, прокладывающим дорогу Ленину.

«Перестали видеть вперед на одну неделю и сообразно с этим наметить свою политическую линию, жаловался он, а истинный вождь должен видеть вперед на года и десятилетия».

Со стороны советских деятелей делались шаги к примирению с Плехановым. К нему приходили, его уговаривали.

Ему предоставлялись возможности познакомиться на вершинных революционных Россиях. Он отвергал все эти сделки. Ему жестоко мстили. Трудно перечислить все несправедливости и удары, часто тупые и бессмысленные, нанесенные Плеханову в этот год.

Его ничто не могло сломить.

На крестьянский съезд в Петроград Плеханов, бывший в это время, послал письмо, в котором мужественно напомнил о необходимости во имя человечности и чести, обезпечить известным минимумом средств существование иждивенков, «дабы не падать ниц». Это место письма вызвало гневный рев зала. А после прочтения его, к товарищу, огласившему это письмо, подошел один из видных эсеров:

«Передайте, Г. В., мое поздравление за его мужество; это требование является и в нашей программе, но мы не рвемся вспомнить о нем».

Он ухмыль плетя против течения.

\*\*\*

Несомненно и точная оценка событий никогда не повергала Плеханова в уныние. Он всегда горел волей к борьбе.

Умные также не к лицу социаль-демократа, как и революционная фраза. Нельзя унывать участнику того движения, которое по существу своему необходимо, и он знал людей понять жизнь для того, чтобы быть творцами ее.

Конст. Фельдман.